

Архивариус

Конспиративная квартира в Копьевском

«Каждый человек должен идти своим собственным путем. Счастливы те, кто идет неуклонно, без страха и сомнения, туда и прямо, куда указывает ему его совесть и убеждения», — эти слова пламенного революционера, верного ленинца Н. Э. Баумана можно поставить эпиграфом ко всему, что написано о его короткой, но яркой жизни, последний период которой тесно связан с Москвой.

Уроженец Казани, ветеринарный врач по образованию, Бауман начинает революционную деятельность в 90-х годах прошлого века в Петербурге. 22-месячное заключение в Петропавловской крепости, ссылка в Вятскую губернию, побег за границу... В декабре 1901 года по направлению редакции газеты «Искра» Бауман приезжает в Москву, но ненадолго. Уже в начале 1902 года он отправляется с партийным поручением в Киев и Воронеж. В феврале новый арест, а через полтора года побег и эмиграция.

В декабре 1903 года Николай Эрнестович нелегально возвращается в Москву с целью укрепления большевистской пози-

ции Московской партийной организации. Паспорт на имя германского поданного, коммивояжера по профессии, значительное изменение наружности не помешали полиции выследить революционера.

Одним из тех, кто в этот трудный момент помогал смелому подпольщику скрываться от царской охранки, был талантливый артист Художественного театра, любимец московских зрителей Василий Иванович Качалов, давно зарегистрированный в охранном отделении как неблагонадежный. Познакомила Баумана с семьей Качалова М. Ф. Андреева. Встречу с Бауманом Качалов назовет впоследствии «самой незабываемой, наиболее дорогой, радостной и вместе с тем печальной» встречей. Квартира Качалова была конспиративным адресом для связи редакции «Искры» с московскими искровцами.

Сын Качалова, ныне покойный В. В. Шверубович, рассказал о том, как Николай Эрнестович впервые появился в их доме. К этому времени завязалась тесная дружба М. Ф. Андреевой с его отцом и матерью, известной

актрисой Художественного театра Н. Н. Литовцевой. Эта дружба и привела Нину Николаевну к активному участию в подпольной работе РСДРП, выполнению рискованных поручений главным образом по связям, передачам и т. п.

Подвижная, ловкая и очень отважная, Н. Н. Литовцева, будучи коренной москвичкой, знала город, по ее собственному выражению, «как извозчик», знала проходные дворы и парадные. Это оказывалось очень кстати, когда нужно было выяснить, «чиста» ли та или другая явка, отвести слежку, передать письмо, сообщить пароль. Однажды М. Ф. Андреева попросила Н. Н. Литовцеву спрятать у себя человека, который должен был прийти к ней ночью и сказать условленный пароль. Речь шла о Н. Э. Баумане. Но Бауману в это время нездоровилось, пароль он забыл, и Нина Николаевна его не пустила, хотя внутренний голос подсказывал ей, что приходил именно тот, кого она ждала. Тогда Литовцева окольными путями помчалась к Марии Федоровне, описала ей внешность

приходившего, и та с огромным трудом, пробежав целую ночь по всей Москве, под утро отыскала Николая Эрнестовича в каком-то извозничьем трактире и напомнила ему пароль. Когда он вторично пришел к Качаловым, то был радушно принят и прожил у них две недели. Тогда-то и зародилась та сердечная привязанность, о которой через много лет Нина Николаевна писала: «Я помню его (Качалова. — Н. Ш.) восторженное, почти влюбленное отношение к Н. Э. Бауману в те счастливые для нас дни, когда он жил у нас. Василий Иванович ловил каждую минуту возможности быть с ним. После спектакля он, обычно уходивший из театра после всех, тут спешно разгиримировался и бежал домой, чтобы до глубокой ночи, а иногда и до утра слушать увлекательные и волнующие рассказы и воспоминания Николая Эрнестовича, его мечты и светлые, яркие мысли о будущем, стараясь не потерять минуты общения с ним, точно предчувствуя, что минуты эти считанные».

Но где же происходили все эти события? Установилось мнение, что в этот период семья Ка-

чалова жила на Пушкинской улице, в доме № 4. Однако, если заглянуть в папку Историко-архитектурного архива, относящуюся к этому огромному доходному дому на углу Копьевского переулка, то выяснится, что он был построен лишь осенью 1906 г., а Бауман погиб в октябре 1905 г. Поиск архивных материалов, длившийся не один месяц, не давал ответа на этот вопрос. Помог разрешить противоречие В. В. Шверубович. Незадолго до своей кончины он рассказал автору этих строк, что семья Качалова поселилась в Копьевском переулке не позднее 1903 года. Дом, где Бауман скрывался у Качалова, сохранился.

Войдем в ворота, расположенные против боковой стены современного Театра оперетты. Перед нами типичный московский двор-колодец. А вот и подъезд с высокими резными дверями. С волнением поднимаемся по широким ступеням пологой витой лестницы, балюстрада которой украшена чугунным растительным орнаментом. Квартира Качалова располагалась на втором этаже, и из ее окон хорошо про-

сматривалось все пространство двора и часть переулка — немаловажный факт для человека, вынужденного скрываться от полиции. Из квартиры можно было выйти и другим путем — черным ходом через кухню.

С большим уважением относился Бауман к создателям Художественного театра. Комаровская приводит слова Баумана: «Искусство не для избранных, и это отлично поняли ваши учителя, Станиславский и Немирович-Данченко, создатели первого «общедоступного» театра. Жизнь оправдывает это великолепное начинание».

В октябре 1905 года, после 16-месячного заключения в московской Таганской тюрьме, Бауман снова в Копьевском переулке. Они расстались с Качаловым буквально накануне злодейского убийства Николая Эрнестовича.

На склоне своей долгой жизни, столь богатой памятными встречами и яркими событиями, замечательный русский артист признавался: «У меня осталось впечатление, что это был лучший человек из всех, с кем я близко встречался за всю мою жизнь».

Н. ШЕСТАКОВА.